

«НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ» ВЫСТАВКА К ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ ИОСИФА БРОДСКОГО

28 ЯНВАРЯ - 20 АПРЕЛЯ
1997

Одно из лучших стихотворений
Евгения Рейна "В Павловском
парке" заканчивается горьки-
ми строками:

...время сжигает все,
только на знамени Бог сохраняет все.

Евгений Рейн словно вступает здесь в
диалог с Анной Ахматовой, в какой-то
мере оспаривая введенный ею в литера-
турный обиход и вызвавший отклик у Ио-
сифа Бродского девиз из герба Шере-
метевых: "Deus conservat omnia".

Всё ли, все ли подробности и мелочи
жизни сжигает время? И что сохраняет —
вопреки разрушительной силе — Бог?
Хочется думать: все то, что должно быть
сохранено. И мелочи в том числе...

Наверно, именно поэтому друг Иосифа
Бродского, историк искусств Михаил
Мильчик 4 июня 1972 года, в день отъез-
да поэта из страны навсегда, проводив
его и вернувшись из аэропорта к его ро-
дителям, остававшимся дома, сделал
несколько подробных снимков его пись-
менного стола и других уголков комнаты.

Родные и друзья Бродского много лет
бережно хранят не только его автогра-
фы, рисунки, фотографии, но и принад-
лежавшие ему вещицы, открытки. До са-
мой смерти отца Бродского все на столе
его сына было примерно так, как в день
отъезда. После смерти Александра Ива-
новича историк и писатель Яков Гордин,
по воле Иосифа Бродского распоряжав-
шийся тем, что осталось, передал его
письменный стол, книжный шкаф и пол-
ки в Государственный музей истории го-
рода, его книги и фотографии — в Музей
Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

Все это воссоединилось на выставке
памяти Иосифа Бродского, открывшейся
28 января, к годовщине его смерти, в
Музее Анны Ахматовой, в садовом фли-
геле дворца Шереметевых, живущего
под уже упомянутым знаменитым девизом:
"Deus conservat omnia".

Фотографии Мильчика создали уни-
кальную возможность — восстановить то-
гдашний вид письменного стола, "вер-
нуться" в "полторы комнаты" коммуналь-
ной квартиры в доме Мурузи, с такой лю-
бовью описанные самим Бродским в его
известном эссе. И мы решились попы-
таться воссоздать ту часть комнаты, где
Бродский работал, — с одной стороны,
достаточно условно, с другой — кропот-
ливо и документально подбирая все ме-
лочи, зафиксированные фотографиями.

В эссе "Полторы комнаты" Бродский
вспоминал об оставленном Доме: "...Эти
десять квадратных метров принадлежа-
ли мне, и то были лучшие десять метров,
которые я когда-либо знал. Если про-
странство обладает собственным разу-
мом и ведает своим распределением, то
имеется вероятность, что хотя бы один
из тех десяти метров тоже может вспо-
минать обо мне с нежностью. Тем более
теперь, под чужими ногами".

"Эти десять метров" так и остались
для него навсегда символом Дома.

«Да не будет дано умереть мне вдали от тебя...»

Выставка в Фонтанном Доме к годовщине смерти И.Бродского

Квартира же на Мортон-стрит, о которой
упоминает он в очерке "Посвящается по-
звоночнику", была лишь заменой, сурро-
гатом: "Сущность всех моих путешествий
(...) состоит в возвращении сюда, на
Мортон-стрит: во все более детальной
разработке этого нового смысла, вкла-
дываемого мною в "домой". (...) Видимо,
я никогда уже больше не вернусь на Пе-
стеля, и Мортон-ст. — просто попытка
избежать этого ощущения мира как ули-
цы с односторонним движением".

Письменный стол Бродского, уголок
его "десяти метров" по праву стал цен-
тром нашей экспозиции. Стол этот и
весь его антураж имеют свою, доста-
точно яркую индивидуальность, которая,
в свою очередь, выражает индивидуаль-
ность тогдашнего Бродского.

Прежде всего — книги, книги на само-
дельных полках, укрепленных прямо над
столом. Они всегда были под рукой и пе-
ред глазами. Мы начали расставлять их
на полки, и сразу все обрело смысл...

Библиотека, собранная Иосифом
Бродским здесь, в России, уникальна для
тех лет; в ней 586 книг, причем почти по-
ловину ее составляют книги на англий-
ском языке. Здесь книги его сверстников
и поэтов старшего поколения, и англий-
ская классическая поэзия. Джон Донн,
Колридж, Китс, Блейк, Йейтс, Элиот,
Оден, Фрост, Дилан Томас и многие дру-
гие... Есть также в ней книги польских,
сербских, чешских, французских поэтов;
одна, подаренная Томасом Венцлавой, —
на литовском. Множество книг с дарст-
венными надписями авторов. 26 разно-
образных словарей и разговорников.

"Для тех из моего поколения, кто ин-
тересовался поэзией на английском
языке, — не могу сказать, чтобы таковых
было слишком много, — шестидесятые
были эпохой антологий, — пишет Бро-
дский в эссе "Поклониться тени". (...) Я
очень любил эти антологии и не только
за их содержание, но и за сладковатый
запах их обложки, и за их страницы с
желтым обложком. (...) Их можно было
вытащить из кармана в трамвае или в го-
родском саду, и хотя текст, как правило,
был понятен лишь наполовину или на
треть, они мгновенно заслоняли мест-
ную действительность".

Он хотел читать поэзию в подлинниках;
ради одного этого стоило изучать языки.
Уже тогда он чувствовал свою прямую
причастность к мировой культуре.

Библиотека Бродского довольно пест-
ра и отражает разнообразие его интере-
сов. Здесь есть, конечно, и русская по-
эзия: синие тома "Библиотеки поэта",
зарубежные издания поэзии Серебряно-
го века, тогда еще очень мало у нас из-
даваемой, сборники молодых современ-
ников. Есть книги о путешествиях и о мо-
ре, которым он был увлечен с детства,
книги о птицах и об астрономии.

Стоит на полке и одна маленькая
книжечка с колокольной собора Сан-Мар-
ко на обложке; именно о ней Бродский
писал в "Набережной неисцелимых": "Де-
вушка, за которой я ухаживал, подарила
на день рождения набор открыток с ри-
сунками сепий, сложенный гармошкой,
который ее бабушка вывезла из дорево-
люционного медового месяца в Венецию,
и я корпел над ними с лупой". Эта кни-
жечка была одним из первых импульсов
его будущей влюбленности в Венецию.

К самим книжным полкам там и сям
прикреплены фотографии и открытки,
составляющие все вместе удивительно
яркую и контрастно-единую картину. Из-
вестная фотография молодой Ахматовой
работы М.Наппельбаума и рядом, впри-
тык — фотография двоюродного брата
Бродского, Виктора Руткиса, в форме
рядового Советской армии, с автоматом
в руках, имевшая домашнее название
"человек с ружьем". Тут же — дорогие
Бродскому лица любимых поэтов: Уисте-
на Одена, Роберта Фроста, писательни-
цы Фриды Вигдоровой, сумевшей сде-
лать запись нелепого суда над ним и бо-
ровшейся за его освобождение до самой
своей смерти. Она умерла за полтора
месяца до его возвращения из ссылки...
На столе стоит фотография маленького
сына Бродского — Андрея. Открытки, в
основном, репродуцируют картины на
библейские сюжеты: бегство в Египет,

Мадонна с младенцем, Рождество.

На самом столе, под стеклом, — такая
же пестрая композиция из фотографий и
открыток. Здесь же стоят принадлежав-
шие Иосифу Бродскому бронзовые кан-
делябры, подсвечник, побывавший вме-
сте с ним в ссылке, в Норенской, модель
джонки, привезенная из Китая отцом и
особенно любимая поэтом. Со старин-
ными вещами уживается яркая пласт-
массовая пепельница и настольная лам-
па с самодельным колпаком из банки ту-
шенки — тоже знак времени.

Над всей этой причудливо-веселой
смесью,верху, над стеллажом, — боль-
шая фотография отца в рамке, еще до-
вольно молодого, в военно-морской
форме; на одной из полок примостилась
фотография матери, Марии Моисеевны,
вместе с сыном. Родители Бродского,
так больше и не увидевшие своего сына,
— постоянно где-то здесь, рядом с ним.

Письменный стол, по-своему отра-
жающий личность некогда сидевшего за
ним человека, поставлен на невысокий
подиум и словно плывет на плоту куда-то
в бесконечность. А вокруг него — огром-
ные, увеличенные с помощью компьюте-
ра фотографии Иосифа Бродского,
странствующего по свету, — Бродского в
Венеции, Риме, Нью-Йорке. На боковых
стенах зала висят цветные фото, кото-
рые Бродский регулярно посылал роди-
телям до самой их смерти: вот он в Ме-
ксике, Швеции, Ирландии; вот в Венеции
и Шартре, Риме и Стокгольме. Давниш-
няя страсть к путешествиям удовлетво-
рена: он стоит у подножья мексиканской
пирамиды, у развалин Колизея, на вене-
цианской площади Сан-Марко. Он мно-
голик на этих фотографиях; его вырази-
тельное лицо то задумчиво, то улыбаиво.
И испытываешь радость за него, радость
от того, что он побывал во всех этих пре-
красных местах. Но все равно — центром
его мироздания, невольно притягиваю-
щим к себе, остается все тот же пись-
менный стол в "полуплоторе комнатах" ко-
ммунальной квартиры в доме Мурузи, на
углу Пантелеймоновской (Пестеля) и Ли-
тейного, в Петербурге, о котором когда-
то было им написано:

Да не будет дано
умереть мне вдали от тебя,
в голубиных горах,
кривонгому мальчику вторю.

В витринах у окна — ранние автографы
Бродского, книги с его дарственными
надписями, рисунки — лаконичные, выра-
зительные рисунки поэта. Среди авто-
графов — много шутливых стихов "на
случай", на дни рождения друзей; не все
они известны и опубликованы; есть пер-
вые пробы пера на английском языке.

В отдельной небольшой витрине поме-
щены автографы Анны Ахматовой из фон-
дов музея: одно из трех удивительных по
тону и смыслу писем, посланных ею Ио-
сифу Бродскому в Норенскую, подарен-
ная ею Бродскому фотография 1926 года,
где она изображает сфинкса на пустом
пьедестале в саду Фонтанного Дома, и
томик ее стихов с надписью: "Иосифу
Бродскому, чьи стихи кажутся мне вол-
шебными. Анна Ахматова. 28 декабря
1963 года. Москва". Эта книжка была уве-
зена Бродским с собой, за океан, и ве-
нулась в Петербург после его смерти —
Михаил Барышников прислал ее с Алек-
сандром Кушнером в подарок музею.

Почти все сотрудники музея внесли
свою лепту в создание этой выставки.
Большую помощь музею оказали друзья
Бродского М.И.Мильчик, Я.А.Гордин,
Т.Л.Никольская, Э.Б.Коробова, И.И.
Емельянова, Ю.М.Шмидт, его родные
Л.А. и В.М.Руткисы.

Выставка будет открыта еще долго —
до конца июня, чтобы люди могли прийт-
ти на нее и в день рождения Бродского
— 24 мая, и в день рождения Ахматовой
— 24 июня. Новые материалы, связанные
с Иосифом Бродским, продолжают по-
ступать в музей и будут добавлены в
витрины; мы ждем их и будем рады всем
дарам. И невольно начинаешь мечтать:
не станет ли эта выставка ядром буду-
щего музея поэта в доме Мурузи?

ИРИНА А. МУРАВЬЕВА

Санкт-Петербург

Русская мысль - Париж - 1994 - 13-15
табл. - с. 13